

О ПЕРСПЕКТИВАХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА

В статье обосновывается необходимость подхода к современному социуму, а также и к каждому обществу, как к тотальностям – развертывающимся в себе, но сохраняющим свою идентичность единствам многообразия. В качестве методологического средства анализа используются понятия и принципы метафизики тотальности. Социум и конкретные общества рассматриваются в своей онтико-онтологической текучести как не редуцируемые ни к одной из своих частных форм. Обосновывается, что в этих условиях жизнь социума и каждого общества является оптимальной в своей гармоничности (оптимально сизигийна), когда в них отношение порядка и хаоса целенаправленно и постоянно поддерживается в пропорции 80% к 20%.

Ключевые слова: социум, глобализация, тоталогенез, онтика, онтология, человек, сизигия

У статті обґрунтовується необхідність підходу до сучасного соціуму а також до кожного суспільства, як до тотальності – єдності різноманітності, яка розгортаючись у собі, зберігає свою ідентичність. У якості методологічного засобу використовуються поняття і принципи метафізики тотальності. Соціум і конкретні суспільства розглядаються у своїй онтико-онтологічній плинності як такі, що не редукуються до своїх часткових форм. Обґрунтовується, що за цих умов життя соціуму і кожного суспільства є оптимальним у своїй гармонійності (є оптимально сизигійним), коли відношення порядку і хаосу у них цілеспрямовано і постійно підтримується у пропорції 80% до 20%.

Ключові слова: соціум, глобалізація, тоталогенез, онтика, онтологія, людина, сизигія

The article grounds the necessity of the approach to modern society, as well as to every society, as a totality – unfolding in itself, but retaining its identity, unity of diversity. Concepts and principles of metaphysics of totality are used as the methodological tools of analysis. Society and specific community are considered in their ontic and ontological fluidity which is irreducible to any of its particular forms. It is proved that under these conditions the life of society is optimal in its harmony (optimally syzygy), when the ratio of order and chaos deliberately and constantly maintained at a ratio of 80% to 20%.

Key words socium, globalization, totalogenesis, ontic, ontologic, person, syzygy

Вопрос о глобализации и о механизме этого процесса все больше актуализируется в связи с постепенным, хотя и не простым, но неуклонным превращением разделенного природными условиями, государственными, национальными и этническими границами мирового сообщества в единую, но многообразную целостность, и попытками осмысления ее возможных интегральных особенностей и образа жизни. Старое мироустройство

исчерпало себя. Масштабные войны уступают место многочисленным локальным военным конфликтам и судьба социума становится все более неясной. Происходящие в нем события опережают их осмысление и диктуют свою логику социогенеза. Скорость перемен такова, что национальные и международные отношения, в том числе правовые, не успевают к ним адаптироваться, в результате чего нарастает глобальная неустойчивость и рассогласование всех уровней жизни, произвол в характере изменений видов, плотности и масштабов связей и их непредсказуемость. Институциональные и правовые отношения и нормы из-за их текучести утрачивают системность, что вызывает рост хаоса на всех уровнях жизни и в глобальных масштабах.

Об этом прямо говорит в своей лекции «Право силы и сила права» глава Конституционного суда России В.Зорькин, отмечая, что «проблема соотношения права и силы является стержневой для всей мировой правовой мысли и практики», он ставит эту проблему в центр внимания, поскольку в последние годы скорость глобальных перемен «такова, что правовые системы – и национальные, и международная – за ними катастрофически не успевают», что создает «регулярные ситуации выхода внутригосударственных и мировых процессов вообще за рамки какого-либо правового поля» и «выход в пространство, где действует так называемое «право» силы, а по сути – произвол, являющийся антиподом права как меры свободы». Автор особо выделяет то обстоятельство, что «глобализация вносит в нашу жизнь колоссальную неустойчивость, обнажающую хрупкость, зыбкость, неопределенность современного мира», и, как итог, отмечает, что «никакие действующие правовые доктрины не имели для освоения подобной «турбулентно-хаотической реальности» соответствующего концептуального аппарата», что «процесс «турбулентно-хаотизирующей» глобализации оказывает возрастающее социокультурное давление на общество и юридическое сообщество каждой страны» и ставит «сложные, философско-правовые вопросы, связанные с традиционной проблемой соотношения силы права и «права» силы» http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150528/273817674.html.

Можно ли овладеть этой стихией и если можно, то как? Представляется, что сегодня чисто правовой и даже философско-правовой подходы к данной проблеме недостаточны, поскольку правовой кризис – лишь одно из хотя и важных, но частных следствий глобального кризиса и не может быть устранен без разрешения последнего. А это разрешение в связи с «турбулентно-хаотическим» характером социума предполагает пересмотр не столько правовых аспектов жизни социума, сколько *сущности самого современного социума и его особенностей* с широких философских позиций, причем *концептуально новых*. Глобализацию все трудней характеризовать с помощью традиционных понятий прогресса и регресса, системы и структуры, мира и войны, переворотов, революций и представлений об общественно-экономических формациях, исторически сменявших друг друга, из-за текучей мозаичности современной глобальной картины. Но и

недостаточно говорить о ней как о глобальном аморфном, хаотичном вневременном «обществе вообще».

Мы будем исходить из того, что современное человечество, одновременно мозаичное и коммуникативно объединенное бесконечно разнообразными связями и отношениями, все больше напоминает *единую текучую субстанцию, проявляющуюся в разнообразии и изменчивости своих культурно-цивилизационных, общественно-государственных, духовно-мировоззренческих и иных форм*, границы между которыми плывут, а сами формы трансформируются, но в своем меняющемся единстве многообразия продолжают сохраняться как единое глобальное целое. В этой своей новой форме социум все больше проявляет себя как *новая историческая*, при том уже *глобальная общность людей*. Сущность данной общности состоит в том, что она выступает как *развертывающееся в себе, но сохраняющее себя социальное единство многообразия*. Речь должна идти о современном социуме как о *глобальной социальной тотальности*, жизнь которой предстает как *процесс тоталогенеза* и требует к себе отношения как к таковому. В связи с этим перед человечеством встают новые исторические задачи, прежде всего связанные с тем, чтобы, учитывая его тотальный характер, адекватно управлять им, прежде всего, научиться поддерживать глобальную ситуацию в оптимальном состоянии.

Понимание социума как глобальной тотальности требует его адекватного понятийного и концептуального описания. Ответом на данный запрос является *метафизика тотальности*, которая, по-видимому, не случайно получила развитие в последние двадцать лет в ходе разработки назревшей постнеклассической методологии, сменявшей традиционные классическую и неклассическую. Первая исходила из примата объекта над субъектом, а вторая – из ведущей роли субъекта. Метафизика тотальности рассматривает в качестве более реальной ситуацию, в которой субъект, влияя на среду (как на объект), испытывает обратное влияние среды, потому что сам всегда является частью среды, и процесс предстает как постоянное развертывание субъект-объектного целого как одновременно единого и многообразного.

Использование понятий и принципов метафизики тотальности позволяет подойти к жизни глобального социума как к *тоталогенезу*. Задачи, которые при этом решаются, носят качественно новый, по сравнению с традиционными подходами, характер. Впервые в истории формируется необходимость рассмотрения всех без исключения стран и континентов в качестве *единого социального субъекта*, при этом важным является учет его отношений с планетарной природной средой. Сам социальный субъект, при этом, также меняется и требует оптимального управления отношениями между странами, континентами и их жителями с позиций поддержания их *гармонизированных глобальных отношений*. Чтобы понять, каким образом указанная гармонизация может осуществиться (и возможна ли она вообще), а также какой должна быть стратегия действий единого планетарного

субъекта, необходимо четче представить себе сам способ его единого в своей тотальности существования и условия его исторической самореализации.

В чем главная проблема глобального сообщества? В отличие от традиционных временных и локальных исторических событий, которые специфически движутся и взаимодействуют в своем историческом времени и пространстве социума, современный глобальный социум как целое внешне *никуда не движется, а лишь трансформируется в себе*. В таком случае задача состоит в том, чтобы оптимально управлять этими трансформациями. Внешне сегодняшний социум также кажется единым и сохраняющим себя, но это единство условно. Он кажется сохраняющим себя лишь потому, что ограничен общим пространством земной поверхности, вынуждающим народы к внешнему общежитию. Это внешняя целостность социума «по неизбежности» существовала всегда в истории человечества и вырабатывала свои формы поведения. В вынужденном общежитии «правила общежития» формировались стихийно и на основе постоянного и сиюминутного «выяснения отношений» между разными социальными общностями на основе силы и экспансий. Сегодня внешняя целостность «по неизбежности» благодаря указанным выше тенденциям и процессам перерастает в органическую целостность, в которой частные события в тех или иных местах социума прямо или косвенно все активнее сказываются на всем социуме. Своими частными изменениями, всплесками социальной активности и историческими флуктуациями он проявляется и как мировое сообщество.

Сегодня взаимозависимость и единство стран мирового сообщества усилилось, продолжение политики силы, особенно со стороны наиболее развитых в военном отношении государств, становится все более опасным для всех, в том числе для самих инициаторов проведения устаревшей себя как постоянно меняющегося единства многообразия стратегии жизни. Возникла и усиливается потребность осознания социумом необходимости новой стратегии жизни через уяснение механизма поддержания оптимального состояния этого многообразия, делающее невозможным глобальный апокалипсис, и приемлемое для всех. До сих пор в социуме в качестве механизма мирного отношений между народами были правовые отношения разного уровня. Сегодня, как было отмечено выше, глобальный правовой механизм не успевает за событиями и начинает давать сбой. Сложность нормативной базы и неспособность ее адекватно реагировать на текучесть жизни неизбежно ведет к расшатыванию социальных порядков, росту незаконных и противозаконных действий, расслоению обществ на противостоящие группы из-за разрыва их материальных и финансовых возможностей и интересов, усиления роли политики силы из-за накопления военных средств, в том числе массового поражения, включая атомное, химическое и биологическое оружие, - все это чревато на каком-то этапе самоуничтожением социума.

Выход из этой непростой глобальной ситуации предполагает в качестве важной предпосылки ответ на несколько непростых вопросов. 1. Возможно ли вообще состояние, противоположное дисгармонии социума, в котором

субъективные интересы людей не смогут нарушить его гармонизирующей функции? 2. Если возможно, то как эти дезинтегрирующие интересы можно нейтрализовать, не применяя репрессивных мер, существует ли объективный нерепрессивный механизм такой нейтрализации и на чем он основан? 3. Какими должны или могут быть смыслы, идеалы и ценности новой жизни социума? 4. Какие новые возможности несет глобальная жизнь социума для человека и в отношении социума и человека к остальному бытию?

Существуют ли сегодня достаточные теоретические предпосылки для ответа на данные вопросы и придания уверенности в самой возможности указанной гармонизации всех сторон жизни в современном глобальном социуме и, более того, в постоянном поддержании ее присутствия, несмотря на непрерывные трансформации жизни глобального сообщества. Как было сказано, основа для такой уверенности сегодня существует в виде *метафизики тотальности*. Более того, теоретически вопрос о характере гармоничных оптимумов в сложных меняющихся систем-тотальностях сегодня в метафизике тотальности уже решен. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы перейти от теоретических ответов к практическому осмыслению современной жизни и уяснению общей модели *гармоничной жизни глобального сообщества* и последующему технологическому обеспечению перестройки его жизни на новых основаниях как в отдельных странах и регионах, так и в социуме в целом.

Что представляет из себя сегодня социум как тотальность? Это не абстрактное общество, описываемое привычными усредненными экономическими, социальными показателями, характеристиками государственного устройства, специфики общественного сознания и прочими параметрами. Это социум, стоящий выше отдельных стран и народов, потому что содержит в себе *возможность разных видов и форм социальной жизни, актуализирует и поглощает одни и порождает другие, но никогда не сводится ни к одной из них и потому не может быть описан их языком*. У него имеется свой язык – язык метафизики тотальности. Но хотя актуальность понимания социума как тотальности возрастает с каждым днем, понимание данного обстоятельства до сих пор не обрело еще нужного статуса в международной жизни. Проблема социума как тотальности не только не поставлена в повестку дня и не обсуждается в рамках ООН, что было бы естественным, а даже не сформулирована. Такое положение становится все более неестественным. Поэтому сегодня настойчивое внедрение подхода к социуму как к тотальности на всех международных уровнях, вплоть до ООН, является первоочередной задачей. Параллельно должна идти на международном уровне разработка универсальных понятийных и концептуальных средств метафизики тотальности, а также выработка и внедрение в практику алгоритмов непрерывного поддержания процессов гармонизации и оптимального управления этими процессами. им

Главная задача в теоретическом понимании социума сегодня требует ответа на три первоочередных вопроса:

1) как реализуются взаимоотношения онтологической субстанциальности социума с ее онтическими проявлениями, возникающими из него и растворяющимися в нем и в его непрерывной онтико-онтологической текучести; почему, при этом, социум не редуцируется ни к одной из своих форм и не утрачивает многообразия?

2) какое онтико-онтологическое состояние является для социума оптимальным и почему? Каков механизм неисчерпаемого самовоспроизведения социума во все новых формах при сохранении бесконечного актуально-потенциального разнообразия данных исторических форм?

3) как на практике установить оптимальное состояние социума и поддерживать его в дальнейшем?

Недостатки традиционных подходов. Ранее существовавшие и существующие к сегодняшнему моменту попытки описать социум хотя и фиксируют некоторые внешние особенности социогенеза, недостаточны прежде всего потому, что упускают его субстанциальную сущность. Явно устаревшими, хотя и сыгравшими свою роль в движении к идее тотальности, оказываются еще недавно популярные системно-структурные схемы социума, функциональный подход и представления об устойчивой стратификации обществ. Когда И.Валлерстайн говорил о мире как о "мир-системе" и основной пафос его позиции [1] состоял в провозглашении заката США (одна из его работ называется "Закат Америки") и развала мировой системы, после чего, как он считает, в 2050 или 2075 годах появится "некая новая историческая система или системы", возникал естественный вопрос, а на какой субстанциальной основе будут происходить (и уже происходят) все эти преобразования? Не случайно на его лекции в Киевском университете в июне 2005г. докладчику задавали вопросы: мир - это одна система или много, а если много, то как они соотносятся между собой, и как будут соотноситься, в том числе, в ходе прокламируемых катастрофических изменений? Если произойдет крах США, то изменится вся мир-система или только ее часть и т.п.? Более того, мир-системная методология может априори рассматриваться как недостаточная и потому, что она не учитывает *несистемных* и *антисистемных* процессов в социуме - антиглобалистских движений, выступлений зеленых, сегодняшнего глобального терроризма и т.д.

Даже преодоление на общефилософском уровне крайностей структурализма постструктурализмом (правда через впадение в другую крайность – постмодернистский релятивизм) остается пока что недостаточно учтенным в социальной философии. Хотя тенденции движения в этом направлении уже были обозначены. Например, социолог Э.Гидденс писал о современном «ускользающем мире», о его «непрерывной структуризации» как о результате глобализации [2]. Другие авторы указывали на подвижный характер социальных структур и статусов, «пересегментацию реальности» и «кризис традиционных критериев идентичности», прямо утверждали: «То, что мы привычно называем обществом, являет собою непрерывное

становление, в котором не многим удастся затвердеть и стабилизироваться» [3, с.3-23]. Во всех указанных случаях имеется понимание неотвратимости существенных трансформаций мирового социума, но в том, что касается представлений о новой модели жизни социума, здесь нет четкого понимания, не говоря о концептуальном единстве.

Исходный принцип нового подхода. Понимание мирового сообщества как развертывающегося в себе, но сохраняющего себя единства многообразия – тотальности - предполагает выявление природы единства, которое одновременно есть многообразие, и механизма саморазвертывания этого единства многообразия. Эта природа заключена в самих истоках социальности, а ее уяснение требует мысленного возврата к начальной точке антропосоциогенеза, в которой сосредоточена вся еще недифференцированная социальность в виде единства общества и человека, *я и мы*, позже утраченного. Этот условный возврат должен быть нацелен на *осмысление социального многообразия как проявления единой, а потому субстанциальной человеческой сущности как истока социальности.* Единство социального многообразия следует из единства и многообразия самой человеческой природы, а проблема *человечества* непосредственно смыкается с проблемой *человека*, сосредотачивается в ней.

В метафизике тотальности исходным пунктом решения вопроса является принцип *онтико-онтологической дуальности* социальных субъектов. Из него следует, что социальное единство многообразия есть следствие ***сочетания в человеке индивидуального, как онтического, и социального, как онтологического, начал.*** Онтические отношения людей задают многообразие социума, а неотрывные от них онтологии человеческой жизни – его единство. Жизнь целого есть, в конечном итоге, проявление двойственной деятельности отдельных индивидов, их онтико-онтологической природы, и понять их вне взаимной онтико-онтологической связи невозможно. Истинная легитимация понятия социум возможна в его не только и не столько внешних, сколько в глубинных человеческих проявлениях, в фиксации онтико-онтологической дуальности любых социальных феноменов, а основой этой дуальности является онтико-онтологическая дуальность самого человека, его жизнедеятельности и самих результатов его труда. Жизнь континентов, регионов, сотен стран и народов, переплетение и трансформации бесконечного множества не признающих границ рыночных и иных (политических, военных, духовных, культурно-этнических, деловых, туристских, миграционных и прочих) потоков и связей между людьми - все эти внешне независимые явления становятся внутренне связанными *проявлениями* единого глобального целого, в котором онтико-онтологическая природа его субъектов играет основополагающую роль.

Механизмы постоянного обновления онтико-онтологических отношений затрагивают не только конкретных людей, их повседневную жизнь, а и их онтологические среды и их онтику, социальные институты, внутригосударственные и межгосударственные отношения. Они становятся

объектами каждодневного внимания, поскольку члены общества вынуждены непрерывно определять оптимальные линии своего поведения и действий, думать о своем ближайшем будущем и будущем своей семьи и детей, а в государственных масштабах – о развитии общества и государственных институтов, международной политики и о решении глобальных проблем. В условиях высокой динамики общественной жизни чем более активен человек онтически во внешнем мире, тем более сказываются на нем и его внутренней жизни изменения онтологий социального бытия. Ведь если *человек* в своих внешних причинных действиях *пребывает в мире*, то *мир* как скрытая основа жизни человека онтологически *пребывает в человеке*. При этом человек в своей свободе в мире ведет себя полионтично, выступает в разных онтических ипостасях, то мир пребывает скрыто в человеке полионтологично. В ходе своей жизнедеятельности человек, реализуя себя в разных ролях онтически, в то же время испытывает и соответствующие этим ролям разные онтологические влияния. Сегодня колебание сознания членов общества между своей полисоциальной и своей же полисубстанциональной сущностями становится все более выраженным и естественным. *Чем больше мы проникаем в себя, тем больше широкий общественный горизонт становится нам доступным. И наоборот, проникновение в онтику субъективной жизни неуклонно ведет к углублению человека в онтологию бытия.* Через этот онтико-онтологический механизм и связанные с ним причинно-кондициональные влияния (причинные внешние влияния человека на внешнюю среду и связанные с ними обратные скрытые рефлексивные влияния среды на человека) любой человек глобального социума прямо (онтически) или неявно (через разные онтологические уровни) связан со всеми другими проявлениями социума в общей тотальности социума. При этом следует учитывать неоднородность самого социума, в котором имеются свои субтотальности, живущие относительно самостоятельной жизнью, подобно тому, как в городе есть районы

Объективность социума как тотальности. Несмотря на ускользающий характер социума как тотальности, а точнее благодаря его онтико-онтологической дуальности, он существует и реален именно в этом тотальном смысле. Целостность социума как постоянной связности и столь же постоянного изменения его содержания в виде отношений людей, государственных структур, институций и ассоциаций, становится все более очевидной и явной, что усиливает развитие интеграционных процессов как в глобальном, так и в местных масштабах в ходе бурных обновлений средств жизни и всепроникающих коммуникаций, обладающих небывалыми для прошлых поколений возможностями. Переплетение и обновление связей и отношений порождает неизбежность текущего согласования позиций и действий разных субъектов и непрерывного поддержания оптимального состояния социума, что на сегодняшний день далеко не всегда происходит.

Все чаще бывает невозможно оптимально решить даже частный вопрос, например касающийся проблемы образования, не прибегая к помощи нескольких ведомств, принятия решений на нескольких уровнях, при этом

нет гарантии, что адекватно учтена если не текущая ситуация в образовании, то тенденции ближайшего будущего всего общества, от которых образовательный процесс также зависит. Парадоксальным образом единство социума выявляет себя и через противоречивые, часто противостоящие друг другу и даже трагические события. Ведь не только согласие и консенсус, а и противостояния выявляют взаимное небезразличие разных участников событий, непосредственно влияющих на динамику смещения интересов, приоритетов и центров притяжения в общей ситуации. Это часто ведет к деградации отдельных сторон процесса, но и к его упорядочению в целом. Разрешения конфликтов, чрезвычайных ситуаций, развитие событий, связанных иногда с огромными и непредсказуемыми рисками и опасностями, являются механизмами, спасающими социум от утраты им внутренней связности, т.е. от распада и гибели. Это означает, что в нем постоянно, иногда жестко и в катастрофической форме действуют тенденции гармонизации, сочетания противоречий, снятия диссонансов и полярностей.

Но эти, стихийные "регуляторы" часто действуют на грани возможного, оказываются во многих случаях связанными со слишком большими "издержками". В конечном итоге, на каком-то этапе, если человек не овладеет ими, они могут вообще оставить его, а то и весь социум за рамками регуляции, принеся их в жертву более мощным и глубоким онтологиям, например *природным* самоорганизующимся тенденциям типа изменения климата на планете, появления множества новых не поддающихся лечению заболеваний человека и т.п. Дальнейший стихийный ход подобных событий становится недопустимым. Лишь овладев динамикой не только социальной тотальности, а и органического единства социума и его природных оснований, человечество сможет рассчитывать на позитивное решение своих проблем. И здесь мы снова возвращаемся к человеку.

Антропологическое измерение. С антропологической точки зрения анализ социума важен в связи с непрерывным шоком, испытываемым современным человеком в результате хронического отставания его адаптации к изменениям от этих изменений, которые он сам же и вызывает. На это впервые со всей отчетливостью указали основатель Римского клуба Аурелио Печчеи и автор книги «Футурошок» Элвин Тоффлер. Идеи "торможения" развития производств и "замораживания" интеграционных процессов через всякого рода ограничительные меры показали свою утопичность. Стало ясно, что единственным выходом становится прямо противоположный путь, - признание естественными непрерывных и не всегда простых преобразований мирового сообщества и его отношений к природе при условии их *сознательного* регулирования в интересах *всего социума* и *каждого человека*. Кончается время стихии, когда можно жить, обкрадывая других.

Повсеместный и преодолевающий любые наказания рост масштабов коррупции – симптом кануна гибели существующего на планете *внутренне разобщенного образа жизни социума*, усиливается тенденция движения к пока еще отсутствующей системе жизни, в которой оптимальное отношение онтического и онтологического, индивидуального и социального станет

объективно выгодно всем, будет соответствовать целостности как человечества, так и человека. Все очевидней, что невозможно, традиционно меняя общественный строй, формы правления, производственную и экологическую политику, построить свое национальное благополучие без связи с другими обществами, как и за их счет, поскольку другие общества для каждого человека все больше становятся и своими по мере движения социума к единому обществу-человечеству. У людей нет иной перспективы, кроме как «уметь жить вместе». Решающими становятся взвешенные решения, способные учитывать целостную динамику и обеспечивать *сохранение социума как такового*. Становятся, но еще не стали. Пока что практические действия строятся на устаревшей примитивной идеологии силы в виде авантюрной внешней политики или террористических войн, и усложняют ситуацию настолько, что приобретают черты общецивилизационных провокаций, испытывающих социум на выживаемость, причем в этих «испытаниях» гибнут массы ни в чем не повинных людей.

Субъективные трудности. Едва ли не главная сложность на пути к будущему связана с тем, что объективный момент глобализации дополняется во многих случаях субъективным, проявляющимся в попытках использовать интегративные тенденции в односторонних интересах отдельных стран и интернациональных групп сверхвлияния. Это противоречит позитивному решению проблемы, вызывает ответные, антиглобалистские настроения и порождает дополнительные противоречия планетарного масштаба. Неизбежная поляризация интересов и действий на наднациональном уровне закладывает потенциальные общечеловеческие угрозы и обрекает уже не отдельные народы и этносы, а весь социум на химерическое будущее. Традиционная силовая стратегия, попирающая любые правила и нормы жизни, становится чем дальше, тем более опасной и ведущей в хаос и требует качественно новых способов сохранения согласованного единства жизнедеятельности обществ через выработку новых стратегий на уровне ООН. Речь идет об овладении технологиями взаимопереходов сознательных и стихийных, а также целенаправленных индивидуальных и неуправляемых массовых сторон жизни социума. Отходит в прошлое идея о не зависящей от сознания, а значит фатальной закономерности развития общества. Сегодня все очевидней, что деятельность людей способна менять характер и направленность общественных процессов на каждом этапе их развертывания, и потому ценностные параметры деятельности и ее разумность приобретают все большую востребованность и актуальность. Первоочередной является проблема сохранения социума в условиях не только локальных экстремальных флуктуаций в социуме и природных катаклизмов, а и возможности реального перерастания их во всемирные потенциально деструктивные процессы из-за сознательно осуществляемых авантюристических действий субъектов самого социума.

Прежние относительно локальные катастрофы, даже такие, как две мировые войны XX в., ставшие апофеозом силовых решений проблем, все же

не угрожали существованию социума как целого. В отличие от этого сегодняшнее стирание граней между локальными и глобальными измерениями ведет к тому, что даже местные, часто относительно безобидные и нейтральные события чреваты развертыванием в неконтролируемые глобальные последствия, не говоря об опасности целенаправленной идеологии и практике разрушительного глобального терроризма, за которой стоят вполне определенные конфронтующие силы с мощным экономическим и военным потенциалами. Тот же И.Валлерстайн в свое время правильно отмечал, что в мире утрачивает свое значение понятие "региональные войны", поскольку за ними, как правило, стоят великие державы [4, с.68].

Растет потребность в *тотальном мышлении*, в котором анализ локальных действий предполагает учет не только местной, а и глобальной ситуации, как и разработка глобальных стратегий не может уже обходиться только опорой на вооруженные формирования и политический шантаж, требует учета самых разнообразных факторов социальной жизни и динамики их доминант. Понятие «национальная безопасность» уже связывается не только с вооружениями и армией, в это понятие включают также экономическую безопасность, энергетическую, социально-политическую, религиозно-конфессиональную и межэтническую стабильность.

Интегральность социума. Интегральный характер социума проявляется сегодня в том, что нарастающий вал проблем не может быть решен частями, он требует адекватного концептуального и практического подхода к *мировой ситуации в целом*. В этой ситуации даже отдельные крушения самолетов, как показывает практика, могут приобретать международный резонанс и требовать обсуждений на уровне президентов нескольких стран. В этой активной реакции на высоком уровне уже на отдельные, хоть и нетривиальные события, можно видеть, хоть пока и редкий, но позитивный симптом нового подхода к т.н. глобальным проблемам современности, и тенденцию к переосмыслению самого понятия глобальной проблемы в сторону расширения его содержания, что также важно. Ведь хотя о глобальных проблемах сегодня не говорит только ленивый, обычно за их перечислением упускается или недооценивается их комплексная специфика, что делает их решение невозможным с самого начала, поскольку комплексный подход невозможен без обобщающих понятий.

Вопрос о новых понятиях и наполнении более содержательным смыслом уже имеющихся также важен. Ведь сегодня это относится даже к понятию социума. Даже в философских словарях данное понятие сегодня фактически отсутствует, хотя стихийно оно широко используется в практике социального, политического, научного общения и межгосударственного, и в гуманитарной сфере. Ситуация его полулегитимности должна быть снята. Это понятие, если оно будет четко определено и принято как инструмент международного общения и юридический термин на уровне межгосударственных договоров и документов общецивилизационного и общечеловеческого значения, позволит синтезировать, уточнить и придать

технологический характер многообразной, но распыленной сегодня по разным ведомствам и научным школам тематике.

Должны быть налажены как постоянно действующий институт социума международные конференции, касающейся проблем мирового сообщества. В качестве положительного примера в этом случае можно взять доклады Римского клуба и проводившаяся под эгидой ООН еще в 1992 году и получившая широкий резонанс конференция в Рио-де-Жанейро, отличавшаяся высоким государственным представительством участников, однозначно указавшая на фундаментальное значения глобальных проблем для современного человечества. Неустановившийся статус понятия социума и неразработанность его содержания ведут к тому, что множество ценных, взаимно необходимых, разноплановых исследований в мире осуществляются в отрыве друг от друга, раздроблены по многим национальным и международным структурам, а полученные результаты часто используются только в незначительной их части из-за слабой координации всей работы. Это имеет место, в том числе и в пределах самой Организации Объединенных Наций, в комиссиях Евросоюза, во многих многосторонних и двусторонних проектах, что резко снижает эффективность даже той явно недостаточной работы по решению глобальных проблем, которая проводится сегодня.

Осознанию того, что проблемы миграций, терроризма, бедности, коммуникаций, демократизации, социальной справедливости, в частности справедливого правового мирового порядка, отношений богатых и бедных стран и т.п. носят общезначимый характер, мешает не только эгоизм, политическая и иная заангажированность главных фигурантов мирового процесса, привыкших к использованию односторонних стратегий, а и отсутствие четко определенных понятий, адекватных ситуации XXI в., способных однозначно зафиксировать и институциональным образом ввести в мировой лексикон важное для всех без исключения стран и народов понятие социума. Дефектность современного международного политического мышления состоит в его фрагментарности, членении интересов и нацеленности лишь на локальные выгоды стран, регионов или транснациональных корпораций, что в условиях рыночной идеологии считается вполне нормальным и естественным. Оно видит бесконечное разнообразие жизни человечества, но не в состоянии подняться до осознания его как единой реальности, при целостном подходе к которой многие из сегодняшних проблем оказались бы надуманными и взаимно скомпенсированными.

Указанная ущербность политического мышления как исключительно рыночного и преимущественно силового порождает парадокс: *в практической политике де-факто присутствует человечество с его проблемами, но отсутствует единый субъект человечества, понимаемый как социум*, способный решать эти проблемы адекватным образом. На планете Земля нет единого человеческого субъекта подобного хорошему хозяину, который разумно решает вопросы ведения своего хозяйства на

основе согласованных действий членов семьи, живущих не только своей личной жизнью, а и общими заботами о доме, в котором им всем доводится жить, по крайней мере, пока не открылись иные варианты и возможности. Мы пока не вышли из школы земного детства и стихийных детских отношений, но уже подошли к выпускному классу и обряду инициации. Станет ли этот обряд введением в разумную жизнь или обернется катастрофой, засвидетельствующей нашу незрелость, покажут ближайшие 50-70 лет. За это время должно появиться новое, глобальное мировоззрение и его вестники, способные поднять человечество на новый уровень отношений и ценностей и тем спасти его.

Подходы к решению. Решение указанных проблем очевидно и каждый может приобщиться к практике его осуществления. Следует отталкиваться от нескольких предпосылок.

Прежде всего, от понимания каждым политиком и каждым гражданином того, что *единство и единообразие – не одно и то же, но единство не исключает многообразия*, а оптимальным в своей жизнестойкости и развитии является как раз *их сочетание*, поскольку они не противоречат, а предполагают друг друга. В связи с этим необходим переход к новому, *глобальному мышлению*, предполагающему *всеединый характер многообразия* интересов, связанных со спецификой жизни каждого региона, страны, человека. Решение лежит не на пути господства силы, педалирования различий, нетерпимости и поощрения ксенофобских настроений, а на выявлении гармонии разнообразия, в которой только и возможно истинное решение проблем *всех*. Ведь у каждого человека есть *свое* оптимальное место в мире и *свой* неповторимый жизненный путь, и *никто не может жить за другого*, но в социуме *никто не может жить и без других*. Решение – в *гармонизации* всей системы отношений на основе некоторых универсальных закономерностей и принципов. В тоталогии данный вопрос рассматривается на метафизическом уровне как *проблема сизигии*. Существует и ее решение, выявлен параметр сизигийности, на который следует ориентироваться в практической деятельности. Подробнее об этом в статье [5].

Следующим является вопрос о том, как осуществить адаптацию понятия сизигии к проблеме социума. Путь ответа на него можно начать с внешне незначительного, но на самом деле существенного уточняющего терминологического шага: унификации одинаковой по смыслу, но разнообразной в местном использовании терминологии. Не отрицая уникальности частных проявлений социума (народа, нации, этноса, социальной группы, селения, города и т.д.), целесообразно подвести все эти и подобные им целостные феномены под общее понятие, например: "социальная форма", или, если акцентировать внимание на цельности данных феноменов, - "*социальный организм*". Это позволит универсализировать социальный анализ и следующие из него выводы, одновременно связав его с метафизической концепцией сизигии.

В литературе можно встретить близкие этому взгляды. Например, вместо специфического обозначения тех или иных конкретных общественных форм предлагается использовать единое обобщающее понятие "социоисторический организм", сохраняя также возможность выделения в нем вторичных, третичных и т.д. образований. Как отмечал автор этой идеи известный историк Ю.И.Семенов, "понятие социоисторического организма является исходной и одновременно самой важной категорией исторической и вообще всех общественных наук" [6, с.23]. Однако понятие социоисторического организма отягощено прежними типологическими представлениями и несколько механистично с терминологической точки зрения. Понятие "социальный организм" представляется более удачным, если понимать под ним *любую* обладающую целостностью стихийно формирующуюся совокупность людей и их отношений, и имеющую ряд специфических признаков и черт, придающих ему неповторимое индивидуальное своеобразие на фоне более широкого социального контекста.

Социальные организмы могут формироваться по разным основаниям, иметь разные масштабы и степень устойчивости. Ими являются человечество как целое, отдельные племена, народности, либо поселения, семья и др. Даже случайное скопление людей, озабоченных общей местной быстротечной ситуацией, либо даже отдельный человек как атомарное проявление социума, можно рассматривать как социальные организмы. Введение данного понятия позволяет значительно расширить рамки социально-философского анализа с точки зрения охвата полноты социума и интегрального подхода к нему. В метафизике тотальности, выходящей за пределы социального бытия, для обозначения разных форм целостностей бытия существует более абстрактное понятие - *дискрет*. Примерами самостоятельных социальных образований, социальных организмов (*социальных дискретов*), выступающих, в то же время, в специфических проявлениях, являются нации, партии, религиозные общины, города, страны, производства, ассоциации и т.д. и их относительно самостоятельные компоненты в том случае, если они рассматриваются в своем контексте как относительно неделимые, условно говоря, монадные образования. Их специфика, несмотря на общее обозначение (социальный организм), определяется их местом в ландшафте социума и в связи с ландшафтными порядками своего бытия. В связи с этим важное значение имеет разработка понятия *социального ландшафта*, перевода его из метафорического статуса в научный. Такой подход позволяет уникальность жизни и сущности отдельных социальных организмов органически сочетать с их принадлежностью к общему целому и его развитию.

Методологическая установка на сочетание неповторимых форм в общей их тотальности реализуется в тоталлогии, где любой социальный организм рассматривается как тотальность, а сама тотальность определяется как развертывающееся в себе, но сохраняющее себя единство. Содержание этого единства может трансформироваться, но в нем всегда имеют место те или иные сменяющие друг друга комплексы дискретов, которые выступают также в форме относительно самостоятельных организмов-субтотальностей.

С этой точки зрения любой социальный организм может рассматриваться как определенным образом сочетаемая со своими субтотальностями и с внешней общечеловеческой ситуацией тотальность, что позволяет применять к анализу социума уже достаточно разработанную методологию метафизики тотальности. Новое мышление позволяет решать многие проблемы, не отбрасывая всех остальных подходов, методов и фактических знаний об обществе, уже приобретенных человечеством, и, с другой стороны, позволяя производить их взаимное упорядочение как *специфических* подходов к *специфическим* формам *единого* социального бытия - социума.

Теоретическая ситуация. Хотя разработка метафизики тотальности создает предпосылки интеграции социальных знаний и формирования философии социума, такие предпосылки существуют и в самих социальных и исторических науках. Помимо приведенного примера с историческим понятием "социоисторического организма" сегодня вводятся и другие, в которых подчеркивается целостность и, одновременно, неоднородность и текучесть структур социальных организмов. Но эта тенденция не доведена до философских обобщений. Например, говорят о формировании "смешанного (полифонического) общества" [7, с.6]. Экономисты указывают на необходимость представления общественных институциональных систем в виде "органической целостности", конкретизируя их через призму "способности к саморегулированию на основе органического единства институтов рынка, государства и нерыночных институтов гражданского общества" (7,с.4). Однако в калейдоскопе одновременно существующих многих социальных проблем и стоящих за ними общих закономерностей, ценностей и принципов жизни нельзя разобраться без категорий и представлений о социуме как таковом, сохраняющемся несмотря на плюрализм интересов, ценностей, разномасштабных и разноплановых изменений и трансформаций его компонентов.

Узость сегодняшнего социального мировоззрения обусловлена как раз тем, что государственные, национальные, этнические, религиозные, социальные, патриотические, расовые, региональные и прочие интересы понимаются как исключительно локальные, как только "свой", не имеющие отношения к "чужим" и потому противостоящие последним. Нет понимания, что «чужое» в сегодняшнем едином мире есть хотя и менее непосредственное, но также «свое». Сопоставление "своего" и "иного" игнорирует то, что К.Г.Юнг называл симбиозом (symbiosis) - психологическим состоянием, в котором содержание личного бессознательного одного человека переживается другим. Отбрасывается реальность переживания, о котором писал О.Шпенглер, говоря, что события, происходящие в Европе, он переживал «как свои собственные». Уже пора вносить в общественное сознание мысль, что все страны, народы и люди есть серия явлений одной и той же социальной субстанции, не внешне только, а сущностно, «родственно» зависимые друг от друга и присутствующие друг в друге, а потому независимо от их желаний и индивидуальных амбиций обращающиеся друг к другу и ищущие общения друг с другом. Как писал

Б.Паскаль: «Ты бы не искал Меня, если бы Я не был в Тебе». Сегодня нам следует не просто искать, а понимать себя в других и других в себе. Следует также учитывать, что хотя через специфические локальные формы всегда говорит единый социум, но также и жизнь социума реализуется по-разному в зависимости от поведения локальных форм, - от каждого из нас. Поэтому социальные формы сериальны в своей сродненности в том смысле, что более или менее явным образом, но всегда взаимосвязаны определенным *соответствием друг другу* и именно поэтому образуют некоторое множественное всеединство. Утрата данного соответствия есть утрата всеединства, смерть социума. Данное соответствие в тоталлогии и называется *сизигийным*. Как члены указанного всеединства все социальные формы есть *разные* социальные дискреты *единой* серии общей им социальной субстанции и изменение каждой из них сказывается на других, ведет к более или менее глубокому переоформлению наличной сериальной картины в другую, с другим характером и видом серий.

Без понимания сизигийности социальных процессов и отношений и дальше будет сохраняться отмеченная выше противоестественная ситуация отсутствия реального субъекта решений и действий мирового социума при фактическом наличии этого социума. Добровольное принятие и исполнение всеми странами, народами, людьми тех или иных договоренностей и решений, формально направленных на обеспечение общей безопасности и процветания, будет и дальше проблематичным, пока роль общеорганизующих сизигийных связей глобального социума не будет признана не менее, а в стратегическом смысле - более значимой, чем прагматичные местные решения и действия. В философии диалога, в коммуникативной философии уже сделаны начальные шаги к осознанию органической внутренней связи "Я" и "Другого", а Х.Ортега-и-Гассет видел в этой субстанциальной связи даже решение проблемы бессмертия человека. Но пока что – это только первые и, в значительной мере, наивные шаги, которые на более фундаментальной и выверенной основе должны перерасти в мощное социальное движение за новый мир и новую планету.

О типологизации исторических событий. Сегодня философско-социальный типологический анализ часто сводится к критикованной еще О.Шпенглером механической процедуре изучения отдельных социальных и культурно-исторических организмов с последующей их внешней комбинацией в те или иные типы. Это породило раньше и порождает сегодня упрощенные и одновременно абстрактные схемы исторического процесса. Сначала выстраивались истории отдельных обществ (Германии, Франции, России и т.д.), континентов и регионов (Европы, Америки, Азии и др.) и далее на этой основе писалась сводная история человечества, которая, не случайно, часто оказывалась европо-, азия-, востоко-центристской, в зависимости от того, кто ее писал. Либо социум как целое представлялся как нечто искусственно конструируемое из совокупности стран, народов, культур (культурно-исторических типов), цивилизаций.

Линейно-стадиальный подход использовался уже Гесиодом (в регрессивном ключе ухода общества от "золотого века"), присутствует в провиденциалистской шестиэтапной концепции Августина, хронологической картине эпох Л.Бруни (античность - средние века - новое время), трехчленной (дикость-варварство-цивилизация) (А.Фергюсон) и четырехчленной (охотничье-собирательная - пастушеская - земледельческая - торгово-промышленная стадии) (Г.Гроций) схемах. Завершение эта линия нашла в идее прогресса (А.Тюрго, Ж.Кондорсэ, Ж.-Ж. Руссо, формационная теория К.Маркса, сегодняшняя картина стадий роста и архаично-индустриально-постиндустриального шествования человечества (У.Ростоу, Д.Белл, Гелбрейт, З.Бжезинский, Фурастье, Э.Тоффлер и др.). Но во всех этих случаях всегда оставались вопросы о полноте положенных в их основу принципов. Столь же искусственными были и циклические построения Полибия, Ж.Гобино, Н.Данилевского, самого О.Шпенглера, А.Тойнби, Ф.Бэгби. Неоцивилизационные и неолиберальные идеи современных авторов С.Хантингтона и Ф.Фукуямы в этом отношении не блещут новизной, пытаясь подвести цивилизационное разнообразие под американоцентристскую политическую идею и тем оправдать стремление США к мировому господству.

Во всех подобных схемах выхватывались отдельные линии и темы жизни и истории, но не ухватывалась жизнь социума как целого. Последняя редуцировалась к истории религии и церкви, смене духовных приоритетов, как у О.Конта, к цепи политических событий, движений наций или научно-технического прогресса, к экономическому развитию или (сегодня) к развитию коммуникаций, знаний и интеллектуального капитала и т.п. без достаточного понимания органической связи и взаимной динамики всех этих факторов друг с другом в реальной истории. Соответственно, такая историческая картина носила либо идеологический, например классовый характер (К.Маркс), либо уходила в описательный эмпиризм (Ранке, Моммзен и др.), объяснялась на основе географического, демографического, экономического либо технологического детерминизма, а также действия других, более интригующих обстоятельств (конспирологических, субъективно-волюнтаристских и т.д.).

Впервые сизифову попытку преодолеть эту разобщенность предпринял К.Маркс, который ввел понятия экономического базиса и надстройки и, рассмотрев смену способов производства как объективный результат закона соответствия производительных сил и производственных отношений, говорил о целостности базисно-надстроечного комплекса. Однако, поскольку при этом упор делался на определяющей роли базисного компонента, собственная история иных компонентов, прежде всего надстроечных, - политики, искусства, религии, философии и т.д. - отрицалась. И хотя эта схема в значительной мере подтверждается, в том числе и современными событиями (в ходе экономического коллапса постсоветских стран самыми эфемерными и незащищенными, т.е. лишенными собственной живительной силы, действительно оказались надстроечные компоненты, а жизнь их

носителей – артистов, ученых, учителей, политиков, философов и т.д. – на самом деле как бы утратила преемственность с предыдущей советской эпохой), все же, как сегодня ясно, она должна интерпретироваться иначе, чем у Маркса. Социальная целостность, если она субстанциальна, не может базироваться на абсолютизации одной из сфер – производственно-экономической. У Маркса последняя обретала особый статус, который почти мистическим образом ни от чего не зависел, но все определял. Человек как субъект выпадал из этой схемы и средством ее реализации были непосредственно связанные с производством классы. Как известно, последнее обстоятельство вызвало обвинения Маркса не только в экономическом детерминизме, а и в изобретении им новой мессианской доктрины, где мессией оказывался пролетариат и его «передовой отряд» – коммунистическая партия, ведущая общество подобно Христу к будущей светлой жизни, но только на земле.

Выход из этой ситуации состоит в признании многообразия взаимосвязанных движений социума и *изменчивости их роли и приоритетов в историческом процессе, рассматриваемом как социальный тоталогенез*. Иначе говоря, необходим пересмотр самого понятия социальной истории, выход на понимание ее как тоталогенеза, и *переход на периодизацию ее с позиций универсальных тоталогических параметров*. Но такой принцип требует предварительного принятия идеи социума как тотальности. Этот процесс идет и в самом марксизме как естественное его развитие и коррекция в связи с событиями конца XX – начала XXI вв., хотя и без использования термина «тотальность».

Известный теоретик-марксист В.А.Вазюлин настаивает на том, что историческая ограниченность во взглядах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина обусловленная не их теоретической несостоятельностью (наоборот, автор всячески подчеркивает, что они были «первоклассными гениями»), а их эпохой. Они делали акцент на быстром историческом этапе отрицания капитализма, переоценивали возможности грядущих социалистических революций и недооценивали возможности социализации и интеграции империалистических государств и возможностей капитализма, которые проявились в значительной мере именно вследствие влияний социалистических движений и революций. Смена исторических обстоятельств указала, считает Вазюлин, на необходимость более глубокого понимания социума, к чему Маркс и стремился, но был ограничен условиями своего времени. Маркс, говорит Вазюлин, «шел, по сути дела от поверхностных слоев человеческого общества *вглубь, к сущности человеческого общества*» (курсив – К.В.) (он ссылается при этом на свою работу [8]. В другой работе [9, с.99-107] он отмечает: «Любой, самый разгениальный исследователь находится на определенном уровне. Этот уровень необходимо ограничен некоторыми заблуждениями. А эпоха необходимо порождает определенные заблуждения, которые «снимаются» на более глубоком уровне познания» [9, с.106-107]. Фактически, этими рассуждениями о «заблуждениях» и их снятии утверждается, что Маркс шел

к пониманию общества как целостности, где объективные процессы социализации и демократизации, зарождавшиеся в условиях капитализма и порождавшие идеи его преодоления, оказывали обратное влияние и модернизировали капитализм. С позиций тоталлогии, это означает признание целостного общественного процесса, в котором противостояния идеального и материального, революционного и эволюционного моментов, прямых и обратных связей не являются абсолютными, и реальностью является не та или иная полярность, а их подвижное сочетание в виде взаимозависимости и взаиморазвития.

Более четко ориентация на понимание социума как тотальности представлена в статье социал-демократа Юрия Красина [10], хотя рассуждение здесь ведется с других позиций. Отмечая, что формационная теория Маркса не всегда описывает реальные процессы (Красин ссылается на «азиатский способ производства»), он акцентирует внимание на оставшемся в марксизме слабо разработанном, но существенном моменте неповторимости социальных событий. Вслед за неокантианцами он отмечает, что общественные науки вообще не могут оперировать объективным критерием истины и базироваться на объективных законах (на что претендовал Маркс, говоря об истории как о естественно-историческом процессе), поскольку предметом исторической науки есть процесс исторического творчества, в котором «объект немислим без субъекта». Развивая эту мысль, Красин высказывает принципиальный тезис: адекватное восприятие практики общественной мыслью «принципиально невозможно как прямое отражение объекта с одной какой-либо позиции», в результате чего всегда имеет место бесконечность возможных интерпретаций, за которыми скрывается многообразие и противоречивость социальной реальности как практики субъектов с постоянной возможностью ее изменения и принятия альтернативных вариантов.

Далее он отмечает, что в случае социальных процессов на первый план выходят не константные, а другие характеристики общественных связей – несводимость многообразия социальных отношений к общему знаменателю, отсутствие предопределенности развития, его вариативность, бифуркационная альтернативность, зависимость выбора от случайностей, релятивность всех структур, их автономность по отношению к целому, и в частности – к базисным структурам. Учет всех этих характеристик делает очевидным, замечает Красин, что «реальный общественный процесс - и нередко в решающей степени – зависит от вполне конкретных поступков, от не всегда обдуманых решений, от подчас иррациональных побудительных мотивов самих участников событий». В этих словах подмечена особо важная роль разовых, «случайных» событий в социуме, что также характерно для процессов тоталогенеза.

Наконец, отмечая, что общественные отношения испытывают влияние многообразных новых потребностей, не сводимых к экономическим интересам, и гибко меняющихся под этими влияниями, он пишет: «целостное общество как бы распадается на автономные сферы, в свою очередь

атомизирующиеся». Этим общество фактически представлено как тотальность, причем указана одна из особенностей такой тотальности, которая в тоталлогии называется диверсизацией (принцип диверсизации утверждает: любой момент тотальности может в определенных условиях разворачиваться в качественно самостоятельную субтотальность). Характерны и такие слова автора: «повторяемость в общественном развитии опосредована множеством неповторимых условий, действий, поступков, способных придать этому развитию иное качество или иную специфику, «сломать» привычную логику повторяемости». А потому «законы» общества «не предопределяют ход общественного развития, а лишь фиксируют его вероятные направления, обусловленные силой исторической инерции... по отношению к обществу, вероятно, правильней говорить не о «законах», а о доминирующих векторах развития...». Эти давно обсуждавшиеся в западной философии положения (как говорил и сам Маркс, в жизни общества закон действует как тенденция) сегодня начинают приобретать особое значение, что фиксируется и статьей Красина.

Но не только фиксируется. Красин стремится углубиться в данную тему. Он отмечает, что в сложных социальных процессах «любой тенденции... противостоят другие, в том числе и прямо противоположные. Эти тенденции модифицируются в зависимости от их взаимодействия: одни могут превалировать, другие могут быть блокированы или нейтрализованы». Здесь иными словами и в еще аморфном виде Красин фактически отмечает некоторые черты, связываемые в тоталлогии с парсически-генерологическими (pg-) переходами. Язык pg-переходов и других тоталогических понятий позволяет описывать процессы, связанные с тотальностью и вполне эмпирически ухватывать ту сложную социальную картину, о которой говорит Красин. Ему не откажешь в проникательности, когда он, отмечая недостаточность понятия «закона» для описания общества, замечает: «возможно, было бы полезно иметь иные термины для выражения некоторых глубинных связей общественного развития, побуждающих те или иные группы людей воспринимать мир и действовать не произвольно, а под влиянием сложившихся обстоятельств». На самом деле дело не столько в терминах, сколько в *принципиально новом взгляде на социум*, который формируется и который наиболее адекватно может быть выражен теорией социальной тотальности.

Принципиально важно и то, что новый подход предполагает и новое понимание взаимодействия человека (социума) и природы, а также изменение взгляда на законы самой природы. Как известно, в классической науке законы фиксируют установившиеся отношения и изменения, и на основе знания условий их действия можно предвидеть события как угодно далеко вперед и также проникать безгранично глубоко в их историю. В естествознании говорят, что такие законы эквивалентны относительно прошлого и будущего, т.е. фактически не зависят от направленности времени (стрелы времени). Однако такие законы действуют только в случае устойчивых ситуаций и применимы только к ограниченным (замкнутым)

системам. Реально же существуют и другие состояния – неустойчивые, непериодические, возникающие и исчезающие, открытые, т.е. связанные с обменом разнообразными субстратами, информацией и энергией, а также случайные, хаотичные. Они присутствуют в природе, но особенно характерны для общества, поскольку здесь действует человек, обладающий собственными потребностями, эмоциями и свободой. И потому в социуме на первое место выходят иные отношения детерминации. Более того, взаимодействие человека с природой вносит момент случайности, неустойчивости и хаотичности в сами природные явления, причем даже тогда, когда они сами по себе устойчивы. В подобных случаях наряду с ситуациями, описываемыми традиционными законами, необходим новый логический аппарат для понимания состояний, в которых отсутствует равноправие прошлого и будущего, имеют место явления организации и дезорганизации, упорядочения и хаотизации, равновесия и неравновесных процессов. Он требует иной картины мира, сущность которой может быть выражена двумя словами: *мир тотален*.

В тотальных процессах не очень ясным в рамках традиционных знаний образом ненаправленное время становится направленным, в котором прошлое, настоящее и будущее не могут меняться местами (т.н. *парадокс времени*). Теоретически этот парадокс состоял в науке в том, что феномен обнаруженный в термодинамике неравновесности нужно было совместить с законом Ньютона, из которого следует эквивалентность прошлого и будущего. А в квантовой физике возник еще более интересный, касающийся времени парадокс, связанный с важной ролью человека в изучаемых физических процессах (что особенно важно, когда речь идет о социальных явлениях). Он состоит в том, что поскольку фундаментальное уравнение квантовой механики симметрично по времени и разные состояния квантовой системы равновероятны во времени, но на практике в каждом физическом опыте реализуются в конечном итоге только вполне определенные, постольку получается, что *направление времени придают наши измерения, наше вмешательство*. Как образно пишет И.Пригожин, в квантовой механике человек обретает не столько дитя, сколько отца времени [11, с.124]. Применительно к социуму можно сказать, что выводя социальную неопределенность в определенное состояние своими решениями и действиями, человек сам является отцом социального времени.

Выход из тупика. Из понимания социума как тотальности следует, что все сферы жизни обладают как самостоятельностью, так и органически связаны. С одной стороны, относительно независимому разворачиванию и преобразованию (в том числе исчезновению и возникновению) любых частей социума не следует ставить границ и все они, таким образом, все же имеют свою собственную историю, связаны со своим собственным временем-хроносом. С другой, принципиально важно помнить и то, что они всегда связаны настолько, что автономность их историй (в том числе истории производственно-экономических отношений) оказывается относительной и временной в пределах общей субстанциальной тотальности, которая никогда

не утрачивает единства, полноты и перспектив в ходе своих постоянных обновлений, но накладывает определенные ограничения на участников общего движения с точки зрения необходимости соответствия их друг другу в этом сериальном единстве (сизигийности).

Отсюда следует и еще один важный вывод: поскольку локальные обновления влияют на целое и испытывают влияния с его стороны, *каждая форма, будь то экономика, наука, искусство или религия, несет в себе наслоения истории всего социума, содержит память о нем в виде специфического, присущего только ей кода.* В своей совокупности эти внешне независимые специфические в своей уникальности формы оказываются проявлениями *общей мировой культуры*, и, в то же время, активными ее участниками и творцами. Онтический поликультурализм одновременно монокультурен на уровне онтологии социума как целого. Наслоения памяти осуществляются подобно тому, как новый факт, входящий в сознание, сказывается на всей мировоззренческой картине человека и влияет на всю архитектуру его знаний. Рассматриваемая с этих позиций социальная тотальность целостна не только в синхроническом, а и диахроническом планах, имеет память текущей жизни и историческую память. Последняя отлагается в культурной стратиграфии, декодирование которой, осуществляемое например историками и науковедом, по-новому высвечивает и настоящее, а также открывает новые перспективы для оптимизации будущего.

В последние десятилетия прежние культурно- и философско-исторические подходы постепенно пересматриваются в направлении понимания истории человечества как целостности социума как в пространстве, так и во времени. В традиционных огрубленных схемах устраняются резкие разграничительные линии и провалы, лакуны в фактических знаниях, формируется пространство единого концептуального анализа в контексте всеобщего синтеза. Имеют место попытки глубже войти в ткань социума через развитие концепций центр-периферийных отношений, в частности, анализируя т.н. периферийный капитализм (Р.Пребиш, Ф.Кардозу), изучение феноменов субразвития и зависимости (А.Агиляр и др.), а также путем развития упоминавшегося т.н. мир-системного подхода (Ф.Бродель, И.Валлерстайн) и сетевой парадигмы (М.Кастельс). Многие авторы указывают на движение от господствовавшей ранее идеи единой, но тематизированной картины истории, к взгляду на социальную множественность как на одновременное развертывание разных сторон социального целого. О том же, как это ни парадоксально, свидетельствуют и концепции антиисторического плана (идея необъяснимости истории Р.Арона, антиисторицизм К.Поппера, работы З.Тилли, П.Штомпки, постмодернистов). В них в ходе критики прежних философско-исторических схем указываются некоторые реальные проблемы, решение которых также способствует раскрытию целостности общественных процессов. Среди указанных проблем - прежде выпадавшие из анализа трудности идентификации отдельных социальных организмов и стадий исторического развития в связи с их

взаимовлияниями и взаимопроникновениями; понимание историй как разных мифов об одном и том же социуме; интерес к несистемным и неструктурным сторонам жизни социума в постструктурализме и постфункционализме и др.

Среди прочего, усиливается интерес к исследованию взаимодействия исторических *вертикальных* и *горизонтальных* связей в социуме, предпринимаются попытки выделить *инвариантные стороны* социальной жизни - взаимодействия дифференциаций и интеграций, порядка и беспорядка, поиски связей концепций эволюционизма и диффузионизма и т.д. Особое значение приобретает старая идея, получившая образное обозначение "исторической эстафеты" (Ж.Боден, Л.Леруа, Г.Гегель, в Украине на нее обращал внимание И.Франко), зафиксировавшая тот важный факт, что история всегда была связана с наличием и перемещением в социально-географическом пространстве центров мирового культурно-исторического развития, которые как бы передавали историческую эстафету общего прогресса человечества друг другу, исчерпав перед этим свои исторические потенции. В этой идее важно сочетание многообразия дрейфующих исторических центров с единством развития мирового социума, и мысль об истории как *постоянном перемещении некоей волны максимальных напряжений социума в историческом времени*. Данная идея представляется весьма плодотворной при условии, что она не ограничивается социально-географическим пониманием исторических трансляций (на самом деле географические смещения исторической активности вторичны), а предполагает проникновение в более глубокие механизмы социально-антропологического и социально-природного взаимодействия, обуславливающие взаимопереходы актуального и потенциального в социуме в результате его саморазвития. Выявление данных механизмов – задача современной социальной философии.

Что касается сферы истории, то здесь пока что все более утверждается мысль о всеединстве, о том, что «всемирная история одновременно и едина, и многообразна» [6, с.138]. К этому объективно подводит и получающий сегодня распространение т.н. многофакторный подход, в котором каждый "фактор" (экономический, политический, социальный, культурный и т.д.) рассматривается как действующий относительно независимо. Казалось бы, он не столько продвигает к идее единства, сколько уводит от нее. Но на самом деле идея многофакторности создает предпосылки такого продвижения, поскольку в ходе ее развития неизбежным становится вопрос о согласованности многообразия «факторов» в едином общем взаимодействии. Более того, речь уже идет не просто о статичной гармонизации, а о согласовании *жизни* социальных организмов в ходе *структурных преобразований социума*, в которых меняется характер идентичностей самих людей и институтов. Как очевидный факт утверждается сегодня тезис о сосуществовании множества идентификаций человека, которые субординируются по важности в данном месте и в данное время и, более того, характер этой субординации может меняться при смене жизненных обстоятельств. Социологи отмечают, что традиционная концепция

неизменной стратификации общества уходит в прошлое. Широкое признание такого метаморфического динамизма социума является уже созревшей предпосылкой принятия концепции социальной тотальности, в которой метаморфозы тотальности являются одной из важнейших исходных принципов, следующих из самого определения тотальности.

О тоталогической методологии. Фиксируя, что в условиях обозначенного интеллектуального фона единственно продуктивной методологической основой анализа социума становится метафизика тотальности, заметим, что истоки ее можно обнаружить уже в древности, например у Анаксагора и Гераклита. Но категориальная определенность понятию тотальности была придана германской философией. Причем тотальность понималась здесь не только синхронически, как "единство многообразия» (целокупность) (И.Кант), а и диахронически, как "развертывающееся в себе, но сохраняющее себя единство многообразия" (Г.Гегель). Гегелевское определение представляется наиболее приемлемым для целей тоталогического анализа социума. На его основе целенаправленное исследование тотальности как философской категории сегодня осуществляется в Украине в Центре гуманитарного образования НАН Украины. Здесь более двадцати лет разрабатывается метафизика тотальности, введен ряд новых категорий и понятий, выявлены принципы, которые позволяют более продуктивно исследовать любые тотальные формы, в том числе и такую, как социум. В последнем случае формируется отдельная область тоталлогии - "*социальная тоталлогия*".

Тоталогический подход по самой своей сути сразу снимает ряд вопросов. Например, общество - одна система или множество? В тоталлогии существует упоминавшийся принцип диверсизации, согласно которому любая часть тотальности может разворачиваться в качественно иную тотальность (субтотальность), имеющую свою собственную историю, но подчиняющуюся тем же общетотальным закономерностям, хотя и в специфическом виде. Этот и другие принципы социальной тоталлогии имеют (по отношению к социуму) *всеобщий характер*, т.е. применимы не только к социуму в целом, а и к отдельным его субформам – социальным группам и социальной стратификации, экономике, духовной и политической жизни общества, региону, стране, городу, промышленному или иному предприятию, к развитию структур, начиная с партий и всей политической организации общества и кончая империями, федерациями, а также к естественным человеческим общностям (этносу, нации, народности и др.). С тоталогических позиций может рассматриваться жизнь коллектива, ассоциации, любых временных и переходных образований. Тоталлогия активно развивается с 1993 года. Толчок этому дал реализовывавшийся в то время украинско-российский научный проект «Постнеклассическая методология: становление, развитие, принципы, перспективы» [12]. Тоталлогическая методология получила с тех пор практическое приложение в анализе как фундаментальных проблем [13], так и ряда более частных проблем в разных областях. Например, в интерпретации текстов, в

лингвистике, психологии, антропологии, географии, при рассмотрении особенностей образовательно-учебного процесса, в системологии, в архитектуре, ландшафтоведении, при рассмотрении причинной и не причинной рациональности, а также в теории театрального искусства, при рассмотрении феномена игры и даже в туристском деле. Сегодня она используется также в качестве методологии разработки проблем брендинга, изучении сверхвозможностей человека и др.. Результатами исследований данных вопросов стали многочисленные публикации, в том числе монографические.

Они могут служить введением к дальнейшим исследованиям социума, традиционных тем исторической, социокультурной, философско-исторической и других областей гуманитарного знания под новым углом зрения, а также быть использованы при подготовке специалистов-методологов, разработчиков стратегий и экспертов в сфере общесоциальных проблем и в деле управления (принятия оптимальных и эффективных решений любого плана). Исходные принципы, о которых идет речь, могут служить мировоззренческой и методологической основой при подготовке специалистов по гуманитарной экспертизе - анализу комплексных инновационных проектов с целью предотвращения нежелательных и опасных для общества и человека рисков и деструкций.

Ссылки:

1. *Валлерстайн И.* После либерализма - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 256с.; Интервью с И.Валлерстайном в ж. "Эксперт Украина" 2005, №19, с.66-70.
2. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация влияет на нашу жизнь /пер. с англ. – М.:Изд-во «Весь мир», 2004. – 120с.
3. Подвижность структуры. Современные процессы социальной мобильности. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1999. – 204с.
4. *Власова О.* Результат, обратный желаемому. Интервью с И.Валлерстайном. - "Эксперт Украина», 2005, №19,
5. *Кизима В.В.* Сизигийность – условие развития конвергирующих технологий // Философия в диалоге культур: Материалы Всемирного дня философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – с.824-834.
6. *Семенов Ю.И.* Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. - М.: Старый сад, 1999. - 380с.
7. Трансформация социально-экономических отношений российского общества. - М., 2004.
8. *Вазюлин В.А.* Становление метода научного исследования К.Маркса. (логический аспект). М., 1975. – 224с.
9. *Вазюлин В.А.* О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма // Марксизм и современность. №1-2, 2005.
10. *Красин Ю.* Социализм между прошлым и будущим //http://old.russ.ru/politics/20021004-kras.html

11. Пригожин И. Наука, разум и страсть // Пригожин И. Определено ли будущее? Изд. 2-е, М.: Ижевск, - 2005. – 240с. – с.115-127.
12. Примеры таких разработок можно найти в статьях журнала «Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження», с первого номера, вышедшего в 1995г., до 32-го, вышедшего в 2015 году
13. Кизима В.В. Бытие как тотальность. Современная философская картина мира и ее приложения. // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №27,- 2012, с.71-189; Кизима В.В. Аксиомы бытия // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №31, - 2014, с.133-160; Кизима В.В. Взаємодія індивідуального і соціального: сучасна ситуація -// Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №31, - 2014, с.7-59.
14. Кизима В.В. Бытие как тотальность. Современная философская картина мира и ее приложения. // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №27,- 2012, с.71-189; Кизима В.В. Аксиомы бытия // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №31, - 2014, с.133-160; Кизима В.В. Взаємодія індивідуального і соціального: сучасна ситуація -// Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження, №31, - 2014, с.7-59.